ВЕРНЕР ХЕРЦОГ

СУМЕРКИ МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНА
ЛИМБАХА

Вернер Херцог

Сумерки мира

«Издательство Ивана Лимбаха»

2021

УДК 821.112.2-31 «20» = 161.1 = 03 = 112.2
ББК 83.3 (4Гем)-44

Херцог В.

Сумерки мира / В. Херцог — «Издательство Ивана Лимбаха», 2021

ISBN 978-5-89059-496-9

В основу романа немецкого кинорежиссера Вернера Херцога положена удивительная история японского солдата Хироо Оноды, 29 лет после окончания Второй мировой войны защищавшего небольшой остров Лубанг на Филиппинах. В конце 1944 года, когда японские войска готовились к отступлению, лейтенант Онода получил приказ: удерживать остров до возвращения императорской армии. Почти тридцать лет Онода продолжал вести вымышленную войну, одновременно сюрреалистичную и трагическую, сначала совместно с другими солдатами, а потом в одиночку, став персонажем романа собственного сочинения. Херцог рассказывает о годах абсурдной, но эпической борьбы Оноды в неподражаемом гипнотическом стиле — документальном, поэтическом и отчасти сновидческом, — который будет мгновенно узнан поклонниками его фильмов.

УДК 821.112.2-31 «20» = 161.1 = 03 = 112.2
ББК 83.3 (4Гем)-44

ISBN 978-5-89059-496-9

© Херцог В., 2021
© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

Содержание

Лубанг, тропа сквозь джунгли 6
Лубанг, приток Вакаяма 7
Аэродром Лубанг 13
Лубанг 15
Лубанг, Тилик 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Вернер Херцог
Сумерки мира

Werner Herzog
Das Dämmern der Welt

© 2021 Carl Hanser Verlag GmbH & Co. KG, München
© Е. В. Зайцев, перевод, 2023
© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2023
© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

* * *

В 1997 году я ставил в Токио оперу «Чусингура»[1]. Композитор Сигэаки Саэгуса[2] долго уговаривал меня взяться за премьерную постановку. «Чусингура» – самая японская из японских историй. Во время традиционной церемонии феодала провоцируют и оскорбляют. Он обнажает клинок. В наказание его приговаривают к совершению сэппуку, ритуального самоубийства. Два года спустя сорок семь ронинов мстят за него, совершив ночное нападение на человека, несправедливо оскорбившего их господина. Они знают, что заплатят за это жизнью. В тот же день все сорок семь верных самураев совершают самоубийство.

Сигэаки Саэгуса – очень почитаемый в Японии композитор, к моменту премьеры у него была собственная программа на телевидении, так что публика знала о нашей работе. Вечером постановочная команда собралась за длинным столом. Саэгуса опоздал. Он был вне себя от возбуждения. Херцог-сан, сказал он, император дал знать, что хотел бы пригласить вас на неофициальную аудиенцию, если только напряжение перед премьерой не будет чрезмерным. Я ответил: Бог свидетель, я понятия не имею, о чем говорить с императором, эта встреча стала бы обменом формальными, пустыми фразами. Я почувствовал, как моя жена Лена[3] впилась мне в руку, но было поздно. Я отказался.

Это была ошибка, столь ужасная, столь глупая, что и сегодня мне хочется провалиться сквозь землю. Собравшиеся за столом обратились в соляные столпы. Казалось, никто не дышит. Все опустили глаза и избегали моего взгляда. От долгого молчания комната заледенела. Мне подумалось, что вся Япония затаила дыхание. И тогда тишину нарушил вопрос: кого же, если не императора, вы бы хотели встретить в Японии? Не задумываясь, я ответил: Оноду.

Оноду? Оноду?

Да, сказал я, Хироо Оноду. Неделю спустя я его встретил.

---

[1] В японской литературе, театре и кино общее название сюжета о сорока семи ронинах, мстящих за гибель своего господина Асано Наганори в 1701 г. Сюжет многократно воплощали в сериях гравюр, романах, спектаклях, фильмах, телешоу. Входит в число самых известных исторических повествований в Японии. *Здесь и далее примеч. ред.*

[2] Японский композитор (Shigeaki Saegusa, р. 1942), автор оркестровых и камерных инструментальных и вокальных произведений, также пишет музыку для кинофильмов и аниме. Опера «Чусингура» считается его самой известной работой, студийная запись сделана в 1997 г.

[3] Лена Херцог (Елена Писецкая, р. 1970), известный фотограф-документалист, в основном работает в экспрессионистском стиле, замужем за Херцогом с 1999 г.

Лубанг, тропа сквозь джунгли

20 февраля 1974 года

Ночь вальсирует в лихорадочном сне, и когда просыпаешься в холодном ознобе, потрескивающий от статического электричества пейзаж кажется продолжением сна, который никак не кончится и мигает, словно неоновая вывеска с поврежденным кабелем. С раннего утра джунгли содрогаются в ритуальных муках электрического экстаза. Дождь. Гроза так далеко, что не слышно грома. Это сон? Широкая тропа, слева и справа плотный подлесок, гниющие листья на земле, капли влаги на ветках. Джунгли застывают в неподвижности, в терпеливой покорности, пока не пройдет спесивое торжество дождя.

А затем, как если бы я сам был там: сбивчивый шум далеких голосов, радостные крики, все ближе. Из плотного пара джунглей проступает человеческий силуэт. Молодой филиппинец спешно спускается по отлогой тропе. Он неуклюже придерживает правой рукой над головой то, что когда-то было зонтом, а теперь представляет собой торчащие во все стороны проволочные ребра и разорванную ткань, а левой – сжимает огромное мачете. Вплотную за ним женщина с грудным младенцем на руках, чуть дальше – семь или восемь других жителей деревни. Они торопливо проходят мимо, и все замирает. Размеренный стук капель, падающих с деревьев, тихая тропа.

Просто тропа. Но вот справа, на земле, прямо передо мной, в движение приходят несколько гниющих листьев. Что это? Часть растительной стены на уровне взгляда движется. Медленно, очень медленно она принимает форму лиственного человека. Это привидение? То, на что я все это время смотрел, но не мог различить, – японский солдат. Хироо Онода. Даже если бы я точно знал, где он стоит, я не смог бы его приметить, столь мастерски он замаскирован. Он отрывает от ног мокрые листья, потом зеленые ветки, тщательно прикрепленные к телу. Достает из густого кустарника винтовку, там же он спрятал камуфляжный рюкзак. Я вижу перед собой солдата чуть старше пятидесяти, жилистого, необычайно острожного в каждом движении. Его униформа состоит из сплошных заплат, приклад винтовки обмотан корой. Он внимательно прислушивается и бесшумно исчезает, устремившись вслед за жителями деревни. Передо мной снова глинистая тропа, но теперь уже новая, другая; и в то же время прежняя – только полная тайн. Это был сон?

Тропа углубляется и расширяется. Дождь едва моросит. Онода изучает следы на глине, постоянно прислушиваясь, постоянно настороже. Его сосредоточенный взгляд непрерывно скользит по округе. Снова слышны птичьи голоса, уже не возбужденные, словно уверяющие, что сейчас, среди таинственного неброского пейзажа опасность – не более чем слово в словаре. Даже насекомые жужжат гармонично. Я начинаю слышать ушами Оноды: размеренное жужжание означает безопасность. Издалека доносится журчание ручья, хотя самого ручья не видно, – я учусь у Оноды толковать звуки.

Лубанг, приток Вакаяма

21 февраля 1974 года

Крыша джунглей покрывает узкое русло реки. Чистая вода бежит по гладким камням. Слева, у отвесных, поросших деревьями холмов, бьет ручей. Ниже по течению становится просторнее. Бамбук, пальмы, высокий тростник. Там, где сливаются оба потока, тянется плоский песчаный берег. Онода идет по песку спиной вперед, чтобы следы увели возможного преследователя в ложном направлении. Сквозь медленно колышущийся тростник он замечает маленький японский флаг. Онода осторожно поднимает видавший виды бинокль, хранящий отпечаток многих лет в джунглях. Но остались ли в нем линзы? Не должны ли были стекла давным-давно пасть жертвой грибка? Или Онода не будет Онодой, если вообразить его без бинокля? Флаг трепещет и развевается на послеполуденном ветру. Ткань флага настолько свежая, что можно различить линии, по которым она была сложена.

У флага стоит палатка, совсем новая, из тех, что используют для выездов за город на выходные. Онода осторожно выпрямляется. Он видит молодого человека, который, отвернувшись, жует, сидя на земле, и пытается разжечь огонь в походной плите. Больше никого не видно. Непромокаемый рюкзак у входа в палатку. Когда молодой человек тянется к нему, чтобы поставить рядом с плитой ветрозащитный экран, мы видим его лицо: это Норио Сузуки.

Внезапно Онода выпрыгивает из своего укрытия. Сузуки в шоке вскакивает на ноги и видит короткую винтовку, направленную прямо на него. Ему требуется мгновение, чтобы обрести голос.

– Я японец… японец.

– На колени, – приказывает Онода. Сузуки медленно становится на колени.

– Снимите обувь. Отбросьте подальше.

Дрожа, Сузуки выполняет приказ. Ему с трудом удается развязать шнурки.

– Я безоружен. Это всего лишь кухонный нож.

Онода едва обращает внимание на лежащий на земле нож, который Сузуки осторожно отталкивает от себя.

– Вы Онода? Хироо Онода?

– Да. Лейтенант Онода. Это я.

Онода направляет ствол винтовки прямо в грудь Сузуки, жесты мужественны, лицо непроницаемо.

Лицо Сузуки оживает.

– Это сон? Вижу ли я то, что вижу?

Дневной свет уступил место вечернему. Онода и Сузуки сидят у костра неподалеку от палатки. Начинают стрекотать ночные цикады. Онода занял позицию, с которой может наблюдать за окрестностями. Его взгляд непрестанно сканирует местность. Он подозрителен и неусыпен, его винтовка по-прежнему направлена прямо на Сузуки. После паузы Сузуки возвращается к разговору.

– Как я могу быть американским агентом? Мне только двадцать два.

Онода не впечатлен.

– Когда я прибыл на эту войну, я был всего годом старше. Любые попытки помешать мне исполнить миссию – военные хитрости вражеских агентов.

– Я не враг. Я здесь, чтобы встретиться с вами.

– На остров приезжали люди в гражданской одежде. Как только не маскировались. Но у всех была одна цель: устранить меня, заставить сдаться. Я пережил сто одиннадцать засад. На меня нападали снова и снова. Я не могу сосчитать, сколько раз в меня стреляли. Каждый на этом острове – мой враг.

Сузуки молчит. Онода смотрит на еще светлую часть неба.

– Знаете, как выглядит выпущенная в вас пуля при таком свете, как сейчас?

– Нет.

– Она светится голубым. Почти как трассирующая.

– Правда?

– Можно увидеть, как она летит прямо на вас, если ее выпустили с далекого расстояния, с достаточно далекого.

– И в вас не попали? – удивляется Сузуки.

– Они бы попали. Но я увернулся, и пуля прошла мимо.

– А пули свистят?

– Нет, это скорее напоминает вибрацию. Низкий жужжащий звук.

Сузуки впечатлен.

Слышится еще один голос. Вдали мерцает ночное небо. Голос поет песню.

– Кто это? – спрашивает Сузуки.

– Это Симада, рядовой Симада. Здесь он пал.

– В начале пятидесятых? Я знаю. Все в Японии знают.

– Он погиб девятнадцать лет девять месяцев и четырнадцать дней назад. Здесь, на притоке Вакаяма, он попал в засаду.

– Вакаяма? – спрашивает Сузуки. – Японское название.

– Когда начались бои за Лубанг, я дал этой реке имя моей родной префектуры – Вакаяма.

Цикады стрекочут все громче. Теперь беседуют они. Сузуки долго размышляет. Наконец голоса цикад сливаются в общем пронзительном крике, напоминающем крик негодования.

– Онода-сан?

– Лейтенант.

– Лейтенант, я бы не хотел, чтобы мы ходили кругами.

Сузуки замолкает. Онода осторожно прикасается стволом к груди Сузуки, не угрожающе, скорее, чтобы напомнить ему о костре.

– Если вы не агент, то кто?

– Меня зовут Норио Сузуки. Когда-то я был студентом Токийского университета.

– Когда-то?

– Я забросил учебу.

– Никто просто так не бросает учебу в лучшем университете страны.

– Я испугался, когда вдруг увидел, что мое будущее разложено передо мной, вся карьера, каждый шаг, вплоть до выхода на пенсию.

– И что? – Онода в недоумении.

– Я хотел несколько лет свободы, до того как моя жизнь будет принесена в жертву бизнесу.

– И?

– Я стал путешествовать. Автостопом. Побывал в сорока странах.

– Автостоп? Что это?

– Останавливать машины, надеясь, что они тебя подвезут. Без определенной цели. Пока не поймешь, куда тебе надо.

– И куда же?

– Честно говоря, у меня было три цели. Во-первых, я хотел найти вас, лейтенант Онода.

– Никто не находит меня. Двадцать девять лет никто не мог меня найти.

Сузуки приободряется.

– Я пробыл здесь меньше двух дней и нашел вас.

– Это *я* наткнулся на вас, я вас нашел. Не вы, а я. Если бы вы не выказывали столь явного пренебрежения опасностью, я бы, наверное, вас убил.

Сузуки не понимает. Он молчит.

– А другие две цели?

– Йети…

– Кто?

– Страшный зверь в Гималаях. Жуткий снежный человек, покрытый мехом. Люди находили его следы, он существует. И наконец – большая панда в естественной среде обитания, в горах Китая. В таком порядке: Онода, йети, панда.

Улыбка впервые мелькает на лице Оноды. Он кивает Сузуки: продолжайте, продолжайте.

Сузуки воодушевляется.

– Война закончилась двадцать девять лет назад.

Лицо Оноды неподвижно и выражает откровенное непонимание.

– Этого не может быть.

– Япония капитулировала в августе 1945 года.

– Война не закончилась. Несколько дней назад я видел американский авианосец в сопровождении эсминца и фрегата.

– Они шли на восток? – догадывается Сузуки.

– Не пытайтесь меня обмануть. Я вижу то, что вижу.

Сузуки невозмутим.

– Лейтенант. В Субик-бей находится крупнейшая военно-морская база США в Тихом океане. Там обслуживаются все военные корабли.

– У Манильской бухты? Это всего в девяноста километрах.

– Да.

– Эта база была там уже в начале войны. Откуда к ней доступ у американских кораблей?

– США и Филиппины – союзники.

– А истребители, бомбардировщики? Я их постоянно вижу.

– Они прилетают на авиабазу Кларк, расположенную к северу от Манильской бухты. Почему, как вы думаете, такие огромные подразделения не атаковали и не захватили остров Лубанг? Ведь Лубанг контролирует вход в Манильскую бухту.

– У меня нет доступа к планам противника.

– Никаких планов нет, война закончилась.

Онода борется с собой. Затем он медленно встает, делает шаг к Сузуки и упирает дуло винтовки ему между бровей.

– Скажите мне правду. Сейчас самое время.

– Лейтенант, я не боюсь смерти. Но глупо было бы умереть, притом что я и так говорю правду.

Для Оноды, которого раздирают сомнения и прозрения, эта ночь самая длинная из всех. Внешне он неподвижен, его лицо будто окаменело. Атомные бомбы сброшены на два японских города, сто тысяч единовременно погибших? Оружие, как-то связанное с энергией, выделяемой при расщеплении атомов. Как такое может быть? Сузуки не хватает технических знаний, чтобы объяснить. У других стран она тоже есть, эта бомба. Текущего арсенала хватит, чтобы

убить каждого жителя планеты не раз и не два, а тысячу двести сорок раз. По мнению Оноды, это несовместимо с логикой войны, с логикой любой мыслимой войны, включая войну будущего.

Онода хочет знать, что произошло после того, как на Японию якобы сбросили бомбы. Как я уже сказал, это было в 1945 году, в августе 1945-го. Япония объявила о безоговорочной капитуляции. Император обратился к народу по радио. До этого никто никогда не слышал его голоса. Он заявил, что не является живым богом. Это немыслимо для Оноды, и он снова решает, что Сузуки явился с заданием его обмануть. Он упирает дуло винтовки Сузуки в лоб.

– На самом деле война не кончилась. Фронты сместились, только и всего.

Но Сузуки непоколебим.

– На Западе Германия проиграла войну. Она капитулировала за несколько месяцев до Японии.

– Нет, – говорит Онода, – война продолжалась, война на Западе продолжалась. Я своими глазами видел доказательства.

– Что? Что вы видели?

– Я видел, как волна за волной над головой пролетают американские военные самолеты… Они летели прямо туда, в том направлении. На запад.

– Когда это было?

– Это длилось годами.

– А когда началось?

– В 1950-м. Бомбардировщики, и транспортники. И военные корабли.

– Это была Корейская война.

– Корейская война? Какая корейская война? Корея – наша.

– Коммунисты выбили оттуда Японию. Потом США начали войну с коммунистами.

– И проиграли.

– Наполовину проиграли, наполовину выиграли. Корея теперь разделена на коммунистический Север и капиталистический Юг.

Оноде сложно воспринять столько всего зараз.

– Но истребители, истребители никогда не прекращали полеты.

– Что за истребители? Когда?

– Они всегда летели на запад. Американские самолеты прямо над моей головой. Их было все больше и больше, начиная с 1965 года – крупные формирования. А на воде – целые флотилии, все чаще, все многочисленней. И вы хотите, чтобы я поверил, что война закончилась?

– Это была война во Вьетнаме.

– Что?

Онода откидывается назад. Это долгая ночь. Цикады, безразличные к войне и миру, к тому, кто и как называет войны, снова усиливают свой монотонный стрекот. Это их война, а возможно, их переговоры о мире, которые мы не способны понять. Луна. Ранний свет наступающего дня делает ее бледнее и бессмысленнее. Так было всегда, еще до появления людей.

Не сговариваясь, Онода и Сузуки одновременно поднимают на нее глаза.

– Люди были на Луне, – тихо говорит Сузуки, с опаской, словно не желая сразу раскрывать слишком много шокирующей информации.

– Когда? Как?

– Меньше пяти лет назад. Мне неприятно об этом говорить, но их туда доставили ракеты американцев, наших бывших врагов.

– Америка по-прежнему наш враг.

– Уже нет. Они даже приезжали к нам на Олимпийские игры[4].

– Я знаю об играх, – говорит Онода.

– Откуда? – удивляется Сузуки.

– Вражеские агенты разбросали по острову тщательно сфабрикованные японские газеты. Некоторые выглядели правдоподобно, но это только чтобы выманить меня из джунглей.

Онода надолго умолкает.

– Я продолжу свою войну. Я сражаюсь уже тридцать лет, и меня хватит еще на несколько…

– Но факты, которые…

– Я подумаю об этом, – прерывает его Онода.

– Что должно произойти, чтобы вы прекратили воевать? – тихо спрашивает Сузуки.

Онода думает.

– Сброшенные с самолетов листовки, в которых меня просили сдаться, были подделкой. Я могу это доказать.

Он говорит это больше для себя, чем для нежданного гостя.

– Есть только одно условие, при котором я сдамся. Только одно.

– Какое? – спрашивает Сузуки.

– Если бы один из моих командиров пришел сюда и отдал мне приказ прекратить боевые действия, тогда бы я сдался. Только тогда.

Сузуки подхватывает эту мысль.

– Давайте я попробую кого-нибудь привезти. Однако сначала нужно, чтобы кого-то из тех офицеров вернули на службу. По новой конституции, у Японии очень маленькая армия, исключительно оборонительная.

Сузуки прикидывает.

– Я могу вернуться в Токио через два-три дня. Затем еще примерно десять дней на то, чтобы все организовать… Через три недели я могу снова быть здесь.

Онода на секунду задумывается.

– Звучит здраво.

Сузуки торопится:

– Что вы об этом думаете? Мы встретимся снова, прямо здесь, на этом месте. Я приведу одного из ваших начальников. Никаких филиппинцев. Никого больше. Только он и я.

Теперь Онода говорит официальным тоном.

– Я согласен. Но если вы попытаетесь обмануть меня, я без предупреждения открою огонь по вам и тем, кто будет с вами.

Никакого рукопожатия, лишь едва заметный поклон. Мужчины не касаются друг друга. Сузуки испытывает воодушевление.

– Я могу вас сфотографировать?

– Нет, – говорит Онода. – Разве что мы оба будем в кадре.

Сузуки немедленно достает камеру. У него нет штатива, он кладет ее на рюкзак и отпрыгивает назад к Оноде, присевшему на землю в двух метрах от него.

– Сейчас будет вспышка. Вы даже примерно не представляете, какой сенсацией станет это фото.

– Держите мою винтовку, – говорит Онода, – это будет доказательством того, что я вам доверяю.

---

[4] Летние Олимпийские игры в Токио состоялись в 1964 г.

Их обоих освещает вспышка. Онода оценивающе смотрит на Сузуки.
– Частично. По крайней мере, частично.

Аэродром Лубанг

Декабрь 1944 года

Это небольшой аэродром. Поросший травой, потрескавшийся асфальт не ремонтировался годами. Несколько приземистых зданий на заднем плане, ржавые крыши из гофрированного железа, все в разной степени запущенности. За аэродромом – открытый океан; к северу, в дымке, маленький остров Кабра. Японский военно-транспортный корабль стоит на якоре недалеко от побережья. Маленькие неповоротливые десантные суда принимают японских военных на борт. Батальон усталых солдат прибыл в часть. Они еще не до конца отчистили форму от грязи джунглей, многие в резиновых сапогах, которые, должно быть, отобрали у местного населения. Двигаясь к кораблю, они минуют два сильно поврежденных истребителя, убранных со взлетно-посадочной полосы.

Майор Танигути[5] и Онода, оба тридцатью годами моложе, стоят в тени пустого ангара. Онода, вытянувшись в струнку, получает приказ от командира. Речь майора звучит официально.

– Лейтенант Онода, я передаю вам приказ штаба.

Онода еще больше выпрямляется.

– Господин майор, лейтенант Онода для получения приказов прибыл.

– Вы здесь единственный, кто имеет навыки ведения скрытой войны и обучен партизанской тактике.

– Так точно, господин майор.

– Вот ваш приказ, – говорит Танигути. – Когда наши отряды покинут Лубанг, вы должны удерживать остров до возвращения Императорской армии. Вы будете вести партизанскую войну, защищая эту территорию, чего бы вам это ни стоило. Вам придется принимать решения самостоятельно. Никто не будет отдавать вам приказы. Вы предоставлены сами себе. С этого момента нет никаких правил, вы устанавливаете их сами.

Онода неподвижен.

– Так точно, господин майор.

– Единственное правило, – продолжает Танигути, – вы не можете покончить с собой. Если вас захватят, вы должны дезинформировать врага.

Майор делает знак следовать за ним внутрь полупустого ангара. Везде видны следы сборов. Ни одного японского самолета, только неопрятная куча провизии и военного оборудования. Майор и Онода подходят к стене, где по-прежнему приколоты различные карты, на одной из которых изображен остров Лубанг. Майор указывает на него.

– Вывод войск еще не завершен, но с настоящего момента у вас есть две непосредственные стратегические задачи. Во-первых, все взрывчатые вещества, которые еще остались на острове, передаются вам, с их помощью вы уничтожите аэродром. Во-вторых, вы уничтожите посадочную площадку в Тилике[6]. Обе цели враг в первую очередь захочет использовать для вторжения.

---

[5] Ёсими Танигути, командир Оноды, майор Императорской японской армии.

[6] Поселение на северном побережье острова Лубанг, в Манильской бухте.

Онода изучает карту. Остров имеет вытянутую форму, его длина едва превышает двадцать пять километров. Центральная часть гористая и заросшая джунглями, без дорог и населенных пунктов. В восьмидесяти километрах от Тилика, лежащего на северном побережье, простирается Манильская бухта. На узкой юго-западной части острова, расположенной за горами, пролегает равнина, но, кажется, отсутствуют дороги. Там находится только одно небольшое поселение Лоок.

– Господин майор, – спрашивает Онода, – сколько у меня будет людей?

– Мы соберем для вас отряд, – говорит майор. – Однако никто из этих солдат не владеет навыками партизанской войны. И никто не будет знать о ваших приказах. Кроме того, в такой войне у вас не будет шансов получить какие-либо награды.

– Я воюю не ради медалей.

Мужчины молчат.

– Господин майор?

– Спрашивайте сейчас. Это единственная возможность.

– В зону моей ответственности входит исключительно Лубанг или более широкая область? Малые острова вокруг – Кабра, Амбил, Голо?

– Почему вы спрашиваете?

– Господин майор, этот остров не очень большой и только на две трети покрыт джунглями. Это очень маленькое пространство для партизанской войны.

– Но, – отвечает майор, – тем выше его стратегическое значение. Когда Императорская армия триумфально вернется на остров, с этого плацдарма мы завоюем Манильскую бухту. Там враг сосредоточит силы.

Лицо Оноды непроницаемо.

Майор не допускает двусмысленности.

– Вы будете действовать из джунглей. Эта будет война на истощение. Стрельба из постоянно сменяемых укрытий. Вы станете неуловимым призраком, вечным кошмаром врага. Эта война не принесет вам славы.

Лубанг

Январь 1945 года

Воспоминания о первых днях – или это сон? – размываются, живут собственной жизнью. Фрагменты меняются местами, перестраиваются, неуловимые, неотличимые, словно беспорядочные листья, по которым, однако, понятно, откуда они летят и где упадут. Грузовик, конфискованный японскими солдатами, еще недавно перевозивший землю и древесину, с трудом движется по грязной дороге. Местность ровная, идет дождь. Это северная часть острова. Слева и справа – влажные банановые деревья, чуть дальше – кокосовые пальмы. Возле хижины, крытой пальмовыми листьями, стоит несколько буйволов, таких спокойных, что кажется, будто они забыли, как шевелиться. В кузове грузовика Онода и шесть японских солдат ютятся под куском холста, мокрого, тяжелого и неподатливого. Под скверным прикрытием, плечом к плечу с Онодой, сидит рядовой Симада, молодой человек лет двадцати пяти. Жители деревни обступают машину, требуя погрузить в нее больного буйвола, но японцы отказывают.

Временный склад боеприпасов на краю джунглей наспех собран из стальных листов. Свирепый ветер. Поросшие лесом склоны невысоких гор утопают в тумане. Японские солдаты спрыгивают с грузовика и открывают широкие ворота, состоящие только из деревянной рамы и ржавого гофрированного железа. Штабеля бомб и гранат в полумраке склада. Яростный порыв ветра вырывает створку ворот из рук солдата, с такой силой ударяя ею о стену, что она распадается на отдельные куски металла. Один металлический лист остается свободно висеть на каркасе, буря заставляет его петь.

Онода в ярости, но держит себя в руках. Или так ему кажется теперь, задним числом? Рядом с боеприпасами небрежно разбросаны бочки из плохо обработанного помятого металла. Онода проверяет одну из них бамбуковым щупом.

– Капрал Симада, это бочки с бензином. Боеприпасы и топливо никогда не должны храниться вместе. Кто несет за это ответственность?

Симада пожимает плечами.

– Никто больше не следует уставу.

Онода повышает голос, чтобы слышали все.

– С этого момента я несу ответственность. Все мы несем равную ответственность. Мы – армия.

Симада оглядывается.

– Понимаю, лейтенант. Армия из семи человек.

Симада, выросший на ферме, быстро находит решение для погрузки самых тяжелых бомб, вес которых превышает пятьсот килограммов.

– Лейтенант, – уверяет он, – дома мы однажды подняли из болота быка весом в тысячу кинов[7].

Под его руководством из ствола дерева быстро сооружают рычаг, опирающийся на несколько бочек с бензином. Таким образом бомбу крупного калибра, закрепленную на коротком плече рычага, помещают в грузовик. Когда Онода с грузом прибывает на аэродром, он

[7] Кин – единица массы в Японии, равная 600 г.

вступает в конфликт с расквартированным там лейтенантом Хаякавой[8], который не хочет назначать солдата из своего батальона для установки бомб на аэродроме.

– Отступающие части, – коротко объясняет он, – используют направленную к океану взлетно-посадочную полосу, что бы эвакуировать тяжелое военное оборудование.

Более того, Хаякава хочет, чтобы аэродром оставался нетронутым до тех пор, пока Императорские ВВС не восстановят контроль над воздушным пространством. Но у вынужденного молчать Оноды есть другие, тайные приказы.

– Враг захватит этот аэродром, – говорит он, – если мы не сровняем его с землей. Он просто воспользуется нашей взлетной полосой. До вас доведен приказ о полной эвакуации Лубанга?

Хаякава прячется за пропагандистскими лозунгами.

– Этот аэродром еще пригодится нашей славной авиации. Мы лишь временно отступаем на более выгодные позиции.

[8] Хаякава Сигенори, младший лейтенант, командующий войсками гарнизона Лубанг.

Лубанг, Тилик

Январь 1945 года

Суета в темноте. Причал в Тилике тянется на семьдесят метров в глубь залива. Онода и его люди прикрепляют динамитные шашки к опорам пирса, пока растерянные японские солдаты над ними пытаются найти в темноте лодки для эвакуации. Лишь несколько фонариков прочерчивают в ночи запутанные дорожки. Солдаты прыгают в рыбацкие лодки, но на них нет экипажа и они пришвартованы к причалу. Наконец десантное судно подбирает оставшихся без руководства солдат. Японская армия в беспорядке отступает.

Онода отдает приказ устанавливать взрывчатку через каждые десять метров. Рядовой Симада соединяет заряды электрическими проводами, но прагматично снабжает каждый дополнительным детонатором, не питая доверия к электричеству. Он держит фонарик зубами. Один из офицеров замечает происходящее и обращается к Оноде.

– Вы собираетесь взорвать пирс, я правильно понимаю?

– Господин капитан, именно это я собираюсь сделать, – говорит Онода.

– Вы не будете этого делать. Это приказ.

Онода спокоен.

– У меня особый приказ.

Офицер заводится.

– Разве вы не видите, что причал необходим нашим собственным отрядам? Завтра, в течение дня, их, вероятно, станет еще больше, они будут прибывать еще несколько дней. Некоторые подразделения в глубине острова потеряли с нами связь.

Онода на мгновение задумывается.

– Мои приказы дают мне некоторую свободу действий. Но враг скоро двинется сюда. Как только наши войска покинут остров, я взорву причал.

В утренних сумерках Онода останавливает грузовик на окраине Тилика. Он собирает все, что представляет для него ценность. Брошенные ящики с патронами для винтовок, ручные гранаты, мешки с рисом, оставленные у полевой кухни. Рядом с Онодой большая палатка, все ее стенки свернуты. Солдаты лежат на походных койках, и только сейчас Онода понимает, что это полевой госпиталь. Один из лежащих приподнимается и просит оставить взрывчатку. Большинство тяжелораненых хотят покончить с собой, пока не попали в руки врага.

– Разве вас не эвакуируют? Кто вас забирает? – спрашивает Онода.

– Никто, – говорит раненый.

– Никто?

– Мы одни. Вчера здесь были два санитара, но ночью они ушли. Якобы для того, чтобы позаботиться о раненых в Тилике, но мы знаем, что в Тилике и окрестностях уже неделю не было боев, – солдат выпрямляется на койке, несмотря на тяжелое ранение. – Я знаю, как взрывать бомбы.

Онода раздумывает некоторое время.

– Я оставлю вам часть своего запаса. Вы в состоянии бросить гранату?

– Если вы положите боеприпасы рядом со мной, мне не придется бросать гранату, – уверяет его солдат.

Дальше воспоминания Оноды размыты. Ясно только, что ему не удается взорвать аэродром Лубанга. Никто не дает ему солдат – ни радарное подразделение, ни подразделение воздушной разведки, ни наземные экипажи самолетов, ни группа, отвечающая за военно-морские силы, в которой не осталось ни одного офицера. Но у Оноды появляется идея уничтожить аэродром силами врага. Вместе с несколькими подчиненными он вытаскивает на взлетную полосу два разбитых истребителя и с помощью примитивных средств маскирует их так, чтобы с воздуха казалось, что они готовы к взлету.

– Мы давно должны были вести войну таким образом, – утверждает Онода.

Лейтенант Хаякава считает это оскорбительным.

– Я буду сражаться за честь императора только в честном бою.

– Как? – спрашивает Онода. Но Хаякава оставляет вопрос недостойного воина без ответа.

Сам Онода долгие годы будет изучать мимикрию в природе. Мотыльки, имитирующие рисунок коры деревьев. Рыбы, приспосабливающие свою окраску к речным камням. Насекомые, похожие на зеленые листья. Пауки, словно дьявольские арфисты, натягивающие струны неотразимой мелодии, заставляющей паутину враждебного вида трепетать так, словно в нее попало насекомое. Хозяин в любопытстве спешит проверить сеть, обреченный на верную гибель. Гремучая змея, которая грохотом отвлекает кролика от смертельной опасности. Глубоководная рыба, возбуждающая любопытство более мелких рыбешек светящимся сигналом, чтобы заманить их в ловушку. А как они защищаются? Прикидываются мертвыми – как жук, который ложится на спину. С помощью шипов – подобно кактусам и некоторым деревьям или животным, таким как дикобраз, еж или рыба-еж, к тому же способная раздуваться настолько, что ее не проглотить. С помощью яда – как осы, крапива, змеи, или ударов тока – как электрические угри. С помощью дурно пахнущих химических веществ – как скунсы. Или непроницаемых чернил – как осьминоги. Сбить со следа, перехитрить, мимикрировать – вот чему Онода хочет научиться у природы. Честная или бесчестная – эта тактика подчинена только целям войны. Вместо того чтобы атаковать лоб в лоб с флагом наперевес, он хочет сделаться невидимым, стать неосязаемым сном, дрейфующей дымкой, полной угрозы, чистым слухом. Он должен сделать джунгли больше чем джунглями – зоной особой опасности, затаившейся смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.